

К 556/49
Некоторые работники министерств, приезжая в деревню, ограничиваются тем, что собирают сведения.

Рис. Л. БРОДАТЫ

КОМАНДИРОВАННЫЙ ИЗ МИНИСТЕРСТВА: — Как тут выяснить положение с севом? Пятый день торчу в конторе, а агронома всё нет! Говорят, в поле уехал...

КРОКОДИЛ

№ 5 МОСКВА 20 ФЕВРАЛЯ 1949

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXVIII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

«...Но есть и такие работники — правда, немного, но они есть — которые застыли в своём росте, не изучают опыта, не изучают фактов, не делают из них поучительных выводов».

(Из выступления тов. Г. М. Попова).

— Значит, так: изучение опыта поручаю Ильину, изучение фактов — Николаеву, а поучительными выводами пусть займется Никаноров.

Еще раздается...

Начальнику Главного управления путевого хозяйства Министерства путей сообщения товарищу ГАВРИЛОВУ В. С.

Уважаемый Владимир Семёнович!

Извините, что беспокоим вас вторично. Помните, в 29-м номере нашего журнала за прошлый год мы сообщали о том, как вы, Владимир Семёнович, несколько лет, деликатно выражаясь, маринуете ценнейшие предложения инженера Слепченко, нашедшего способ превращать простую древесину в такой материал, который и в огне не горит, и в воде не гниёт, и никаким грибкам не поддаётся.

Помните, как мы с грустью отмечали, что во всей этой огнестойкой и грибостойкой истории самым упорным, самым стойким оказались вы.

Мы с большим удовольствием взяли бы свои слова обратно, если бы вы подали хотя бы маленькую надежду на то, что изобретение Слепченко будет претворяться в жизнь. Но вы вместо надежды подарили нам ещё одну отписку.

Мы не можем перепечатать ваш ответ полностью, так как не желаем издавать наглядных пособий для начинающих глушителей творческой инициативы. О многом говорится в вашем ответе: о том, как было дано согласие начать на Чкаловском шпало-пропиточном заводе производство огнестойкой древесины, и о том, как спустя четыре года вы, не выпустив ни одного кубометра, доказали хозяйственную нецелесообразность этого мероприятия.

Одним из главных козырей вы выдвинули коррозию, которая якобы могла сильно испортить медную арматуру Чкаловского завода во время работы с препаратами Слепченко.

Вы, понятно, не написали, что способы защиты от коррозии основательно изучены и хорошо вам известны. На заводах вашего же министерства применяются более сильные химикаты. Наконец, под вашим руководством есть и такие заводы, где арматура не медная, а из чёрного металла...

Нет, Владимир Семёнович, дело, очевидно, не в коррозии. Есть ещё один вид злокачественного налёта, именуемого бюрократической ржавчиной... В вашем ответе много пустопорожних фраз: «В процессе разработки...», «На основании вышеуказанного...», «В результате вышеупомянутого...»

Очень нам хотелось найти хотя бы одно живое, тёплое слово. Слово человека, искренно заинтересованного в том, чтобы ценное изобретение получило не только признание, но и применение. Такого слова мы не нашли.

И вот, говоря вашим же языком, на основании вышеуказанного, мы имели законное право обратиться с жалобой на вас к вашему министру товарищу Бещеву.

Но мы временно решили от этого воздержаться. Мы не теряем надежды договориться лично с вами. Не верится, что вы окончательно проржавели.

Не может быть, чтобы вы последовали примеру прокурора Днепропетровской области тов. Коноплёва. В номере 30-м за прошлый год, в заметке «Ясное дело», рассказывалось о том, как тов. Коноплёв упорно отказывается вернуть демобилизованному офицеру Шульгину квартиру, незаконно занятую заместителем областного прокурора тов. Гридиным.

Телеграмм, писем, записок по этому ясному делу у нас множество, и все в пользу Шульгина. Но тов. Коноплёв упёрся и не сдаётся. Скажем вам по секрету: на тов. Коноплёва мы уже махнули рукой. Его личными письмами не проймёшь. Придётся, видимо, обращаться в вышестоящие инстанции.

В вас мы пока уверены.

С этой уверенностью и примите наш поклон.

Крокодил

На лекции

ЕСКОЛЬКО сот молодых железнодорожников заполнили клубный зал. Лектор говорит о пережитках капитализма в сознании людей.

Такие тяжёлые слова: «пережитки», «капитализм», «проклятое наследие»... Даже

не сразу поймёшь, какое они могут иметь отношение к этой юной аудитории.

— Меня тут какой-то шутник спрашивает, — размахивает лектор запиской, — не могу ли я конкретно указать среди присутствующих в зале человека с пережитками капитализма и проклятым наследием прошлого.

Все смеются. Многие с улыбкой смотрят по сторонам, нет ли поблизости кого-нибудь с родимым пятном капитализма.

Оборачиваюсь и я. Вокруг знакомые лица. Вот комсомолец-машинист, который привёл в Ленинград одним паровозом два полновесных маршрута. Вот двадцатидвухлетний знатный составитель. Вот старший кондуктор Миша Грибин...

Тут я вспомнил историю, которая недавно произошла с Мишей Грибиным. Он сопровождал товарный экспресс, мчавшийся из Ленинграда в Нарву по чудесной «зелёной улице». Вопреки правилам технической эксплуатации кондуктор Грибин замечтался, и в ту же секунду неорганизованный порыв ветра сдул фуражку с его головы.

Миша даже не предполагал, что человек может так быстро соображать. В одну долю секунды по его извилистым мозговым колеям пронеслись эшелоны тревожных мыслей:

«Как быть? Ехать дальше, — останешься без шапки, грозит тридцаткой. Остановить поезд, — дадут по шапке, грозит срывом графика. Так — убыток, и так — убыток. Лучше так!..».

Он открыл стопкран, и полсотни груженных вагонов, возмущённо лязгая буферными тарелками, остановились на перегоне. Встревоженный машинист увидел, как Миша резво соскочил с кондукторской площадки и устремился бегом обратно в Ленинград. Впрочем, меньше чем через полчаса он вернулся и, радостно размахивая фуражкой, дал сигнал к отправлению...

Кто не знает на транспорте страданий одинокого поезда, выбитого из графика! Так было и с этим поездом. Он двигался теперь, как пешеход, к ногам которого привязаны тяжёлые гири. Диспетчеры сердито цыкали на него и подолгу держали на каждой станции. По его вине опоздали ещё два товарных поезда и четыре пригородных пассажирских. Больше полутора тысяч пассажиров в этот день недосчитались по несколько десятков минут в своём бюджете времени. Несколько тысяч тонн важных грузов было доставлено с задержкой.

В управлении дороги подсчитали в рублях ущерб, нанесённый кондуктором Грибиным. За эти деньги, оказывается, можно одеть весь кондукторский резерв не в фуражки, а в добротные каракулевые шапки, в фетровые шляпы... Что и говорить, дорого обошёлся государству головной убор старшего кондуктора Грибина! Зато свою личную тридцатку он сберёг.

...Я ещё раз посмотрел на Мишу. Он косил глазами в сторону соседей. Не иначе, как искал кого-нибудь с пережитками капитализма! Чувствовалось, что ему очень любопытно взглянуть на такого человека.

Б. БАРСОВ

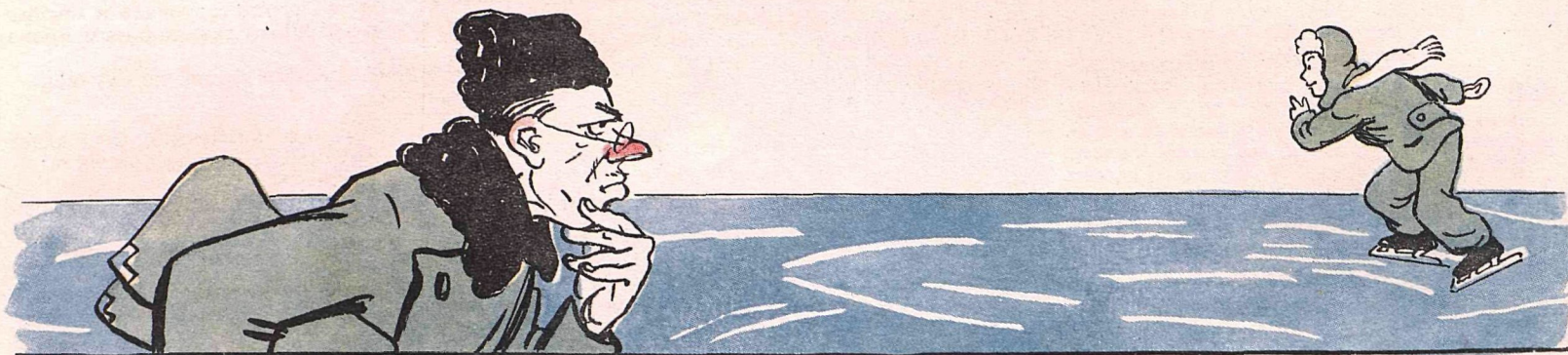
Ленинград.

Рис. О. ВЕРЕЙСКОГО

Этот молодой человек сам ведёт себя хорошо и не любит, когда другие переходят границы.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Гм, на коньках катается!.. Значит, у него есть свободное время!.. Значит, наши учебные программы недостаточно укомплектованы!..

ТАЙНОЕ МНЕНИЕ

ОВАРИЩ Мухин последний раз прочитал внимательно конспект доклада. Никогда в жизни товарищ Мухин не делал отчётного доклада, потому что...

Потому что товарищ Мухин стал товарищем Мухиным недавно.

В сорок третьем году он ушёл на фронт добровольцем. В то время ему было семнадцать лет и все его называли просто и коротко: Федя.

А когда он вернулся с фронта, его назначили бригадиром и избрали секретарём комсомольской организации. Вот с той поры и стал Федя товарищем Мухиным.

Перед отчётным собранием Федя, конечно, волновался. Однако про себя думал так: «А что же мне, собственно, бояться? Колхоз передовой, урожай что надо. В райкоме я не на плохом счету. Вот только Мишка Окунев!.. Не пойму я его! Друг, можно сказать, детства, одной ложкой кашу на фронте ели и сейчас дружим. А как коснётся что колхозных или комсомольских дел, так сейчас же вскипятится и такую критику разведёт, так начнёт подковыривать... Завидует, что ли, моему положению? Ну да дед Степан в обиду не даст, да и представитель райкома на собрание приехал».

* * *

Первое слово в прениях, как всегда, попросил Окунев.

— Я, товарищи, внимательно выслушал доклад товарища Мухина. Правильно, конечно, обрисованы все достижения и прочее такое. Но прямо скажу, как говорили в древние века: товарищ Мухин, хоть ты мне и друг, а истина дороже.

«Ишь ты куда загнул! — подумал Федя. — Средние века! Скажи прямо, что на секретарское место метишь! Ну да посмотрим!»

Долго говорил Окунев и таких недостатков нагромоздил, что Федя многие из них сам впервые почувствовал.

Затем к столу подошла звеневшая Настя Душина. Она скользнула лукавым взглядом по лицу докладчика и чуточку вспыхнула. А Федя потупился и подумал: «Зря ты, Настенька, слово взяла! Знаю, что сочувствуешь, понимаю, что решила сгладить впечатление. Спасибо, голубка, только... всем известно, что не сегодня-завтра ты моей женой будешь и вера твоим словам...»

А Настя сказала:

— Правильно выражался тут товарищ Окунев. Разделяю! Много ошибок у Федя... то есть у товарища Мухина имеется. А главное — зазнаваться стал. Командовать больно начал.

Федя не верил своим ушам: «Что же это такое? И эта обрушилась! Вот тебе и голубка!..»

Настю сменил следующий оратор:

— У меня такое замечание имеется: вот, мы знаем, что секретарь у нас — человек развитой, грамотный, книги читает, газеты, журналы разные и тому подобное, — словом, идейным самообразованием занимается. Хорошо? Очень хорошо. А только позволяете, товарищ Мухин, узнать, как вы о других в этом отношении заботу проявляете? А я скажу как. Неважно, вот как. Факт? Факт. Вот тут передо мной товарищ Душина выступила, молодая комсомолка. Работящая, нечего сказать, активная... Ну, да я полагаю, — оратор многозначительно прищурил один глаз и мотнула головой в сторону Федя, — я полагаю, что данный товарищ Душина довольно известна товарищу Мухину.

Эти слова вызвали смех. Федя покраснел и стал что-то быстро записывать в блокнот.

— Так вот товарищ Мухина... то есть, извиняюсь, товарищ Душина на днях политбеседу в своём комсомольском звене прорабатывала. И она, товарищи, перепутала теперешнего Бевина с бывшим Черчиллем...

— Ну, тут разницы почти нет, — сказал кто-то под одобрение присутствующих.

— Так-то оно так, — продолжал оратор, — но всё-таки... И ещё скажу: у нас есть такие комсомольцы, которые по три года сидят в кружке политграмоты...

А Федя подумал: «Так, три голоса против обеспечены. Нет, тут я что-то недопонимаю! Не иначе, как какое-то тайное мнение против меня сложилось!»

Слово взял дед Степан, член партии с 1917 года, друг и шеф комсомольцев. «Ну, этот по справедливости скажет», — обрадовался Федя.

— Да, дорогие товарищи, здорово, я вижу, достаётся секретарю. Понимаю, что неприятно он себя чувствует в данную минуту. А я так скажу...

Дед Степан неторопливо вынул клетчатый платок, откашлялся, посмотрел на Федю:

— А я, дорогие товарищи, так вам скажу: правильно Федюшку критикуют. Правильно! Ну что же, критика, она, прямо скажем, штука неприятная. Но зато полезная, как я понимаю. Я вот тоже на Федюшку обиду имею. А ну-ка, секретарь, посмотри в глаза собранию и дай ответ: почему ты скрыл от комсомольцев и от меня — даже от меня! — что тебе в райкоме нахлобучка была за плохую физкультурную работу? А?.. Молчишь. А мне вот только представитель райкома об этом рассказал.

— Дед Степан, да ведь...

— Молчи! Знаю, что скажешь. Ты скажешь, что это дело выправил? Правильно, выправил. Не в том суть. А суть в том, что у тебя смелости нехватило с товарищами бедой поделиться, стыд обуял. Нет, Федюшка, так дело не пойдёт!..

На лбу у Федя выступил пот. «Значит, всё, значит, конец. Безусловно сложилось тайное мнение. Значит, проваляюсь. Что же я теперь своему бывшему командиру напишу, как ответ держать буду? Хвастал-хвастал ему в письмах: и наказ ваш выполняю и доверие оправдываю... Нечего сказать, оправдал!.. А ещё ордена нацепил, парадный мундир напялил!»

Федя растегнул жёсткий воротник кителя, вытер с лица пот. Выступал представитель райкома:

— Я буду, товарищи, краток. Вы сами разобрались во всём. А товарищ Мухин, я думаю, сделает для себя правильные выводы из критики. В работниках, я вижу, у вас недостатка нет... Вот мне, например, очень понравилось выступление товарища Окунева. Умное, дельное выступление!

«Ясно. Секретарём будет Мишка Окунев». Утвердившись в этой мысли, Федя почувствовал себя спокойнее.

* * *

Председатель счётной комиссии объявил:

— Разрешите доложить, что по результатам тайного голосования секретарём единогласно избран, за исключением одного голоса, товарищ Мухин.

Домой Федя шёл вместе с дедом Степаном.

— Эх, ты, чуело такое-сякое! — говорил дед Степан. — Значит, до тайного мнения ты додумался. А до того своим умом не дошёл, что кого критикуют, того, значит, и уважают. А уж если не критикуют, так и знай: не любят того человека. Так у нас и ведётся. Вот, помню, в прошлом году на районной партконференции о втором секретаре словом никто не заикнулся, а от первого секретаря только ключья летели. Ну, второй сидел и думал: «Наверное, провалят, а меня первым изберут!» А голосовать стали — второго секретаря провалили, а против первого три голоса. Понял? Вот тебе и тайное мнение.

Д. БЕЛЯЕВ

ТЕНОРА МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ЭТИ слова принадлежат одному оратору, выступавшему на собрании ленинградских драматургов. Тенорами местного значения назвал он тамошних театральных критиков типа С. Дрейдена, М. Янковского, И. Березарка.

Когда в московском ВТО начинали греметь «басы» Юзовского, Гурвича или Малюгина, в ленинградском ВТО немедленно откликались «тенора» и их подголоски.

* * *

И вот мы с вами на берегах Невы, где, может быть, родились вы или блистали, мой читатель.

Мы можем указать и более точный адрес: улица Воинова, Ленинградское отделение Союза советских писателей, секция драматургов.

Общее собрание.

Лёгкий порыв фантазии — и представьте себе: на общем собрании ленинградской драмсекции появляется, нарушая все законы времени, Николай Васильевич Гоголь. Он изъявляет желание выступить в прениях и произносит самым серьёзным образом такую речь:

— А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной раз и министр... Мне даже на пакетах пишут: ваше превосходительство. Один раз я даже управлял департаментом...

Вы, читатель, конечно, недоумеваете. Как может Гоголь так говорить? Ведь это всё слова Хлестакова. А к Хлестакову, к его вранью и хвастовству автор бессмертной сатирической комедии относится с большой неприязнью.

Я с вами полностью согласен, дорогой читатель. Гоголь не мог так поступить.

Собственно говоря, не следовало тревожить великую тень классика. Ведь мы могли бы взять и более современный пример. Ведь на этакое двуличное поведение неспособен ни один наш советский драматург.

Но, как говорится, в семье не без Германа Матвеева.

Имеющий жительство в Ленинграде драмодел Герман Матвеев выпустил явный брак — пьеску «Страсть».

Это — не ленинградское произведение. На всей продукции города Ленина, как мы знаем, лежит марка высокого качества. Недаром ленинградская общественность с негодованием отвергла это ничтожное сочинение, случайно увидевшее свет на берегах Невы.

Какая же «страсть» волнует автора «Страсти»? Больше всего он боится не прослыть невеждой. Пуще всего он страшится, как бы ему не приписали какие-нибудь знания. Не надо ничему учиться! Вот основная мысль этого опуса, вот призывный клич Германа Матвеева:

— Художнику не надо изучать действительность. Не надо изучать жизнь. Всё внутри его самого. Силой своего таланта, силой своего чувства он может решать что угодно.

Что же откопал Герман Матвеев внутри себя?

Один из персонажей «Страсти» произносит «по ходу действия» речь об искусстве. Эта речь от начала до конца напихована жирными кусками лжи и клеветы против партийного руководства искусством, против партийной критики.

Это, по мысли автора, отрицательный тип. И другой персонаж пьесы — положительный герой — спорит с ним.

Но случилось небывалое. Оказывается, автор пьесы согласен со своим отрицательным персонажем. А «положительный» герой введён в пьесу лишь для отвода глаз.

Всё это было обнаружено совсем недавно на собрании ленинградских драматургов. На этом собрании выступил Герман Матвеев и повторил слово в слово, буква в букву все разглагольствования своего отрицательного субъекта.

Эпизод с Германом Матвеевым и его сочинением тесно

связан с печальной деятельностью недавнего руководства ленинградской драмсекции. Это оно, бюро секции, стартовало в «своём» театре (мы имеем в виду Театр драматурга) скандальным произведением Матвеева.

Выбор такой пьесы для открытия нового театра не случаен.

* * *

Итак, мы на берегах Невы, на собрании драмсекции. Обсуждается статья «Правды» об антипатриотической группе критиков.

— Слово предоставляется тов. Карасёву!

Всеобщее движение. Курильщики быстро потушили папиросы. Тише! Внимание! Не мешайте слушать! На трибуне сам председатель секции. Сейчас он всё скажет.

Он сказал:

— У меня нет материалов, благодаря которым я мог бы развёрнуто выступить с критикой критиков.

У него, видите ли, нет материалов. Но материалы нашлись у ленинградских драматургов.

В своих выступлениях они говорили о космополитических кривляниях и формалистических выкрутасах некоторых критиков и литераторов, которые паслись на лужайке драмсекции.

Они напомнили Карасёву, как он, не жалея своих сил, подпевал давно обанкротившейся группке театральных критиков.

Выступает, к примеру, С. Дрейден. Что бы тот ни говорил — а говорил он всякую эстетскую чепуху, — Карасёв ему поддакивал.

Критик М. Янковский усиленно уговаривает Ленинградский театр комедии не ставить советских пьес:

— Элегантной труппе Театра комедии, — говорит он, — свойственно играть элегантные пьесы.

Руководство драмсекции аплодирует Янковскому:

— Ах, какой он эстет! Ах, какой он фант!

Критик И. Березарк выступил с явно антипартийной речью:

— Производственная тема в узком плане, что существует, мол, человек, выполняющий предписания партии, — эта тема себя исчерпала.

Карасёв тут как тут.

— Я абсолютно убеждён, — заявил он, — что никакой большой производственной пьесы не выйдет никогда, что никогда искусство не может вдохновляться вопросами хозяйственными.

Чем же должно вдохновляться искусство?

— Эмоциями! — отвечают они.

Они жаждут эмоций, в чисто обывательском смысле этого слова. Таких же эмоций, как известно, искала чеховская акушерка Змеюкина:

— На-те, махайте на меня веером... Жарко!.. Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы... Дайте мне поэзии, восторгов!

Вот этой атмосферы и этих восторгов требуют Березарк с Карасёвым. Недаром на одном из совещаний в секции раздавались тяжкие вздохи:

— Нет сейчас хороших драматургических конфликтов. Нет неравных браков. Нет бесприданниц. Тяжело работать! Махайте на нас веером!.. Жарко!

На том же заседании серьёзно обсуждалась такая назревшая проблема:

— Является ли ревность пережитком или нет?

Затем перешли к совершенно идиотскому занятию: обсуждали следующие вопросы:

а) Если дворник полюбил дочь председателя райисполкома, — это конфликт или нет?

Решили: нет, не конфликт.

б) Но если председатель райисполкома — женщина и в неё влюбился подчинённый ей дворник, то это конфликт или нет?

Решили: да, конфликт.

Вот в какой атмосфере работала до недавнего времени драмсекция в Ленинграде. Теперь понятно, почему здесь появилась пьеска «Страсть». Понятно, почему у председателя секции не оказалось «материалов» о критиках. И понятно, почему критические тенора местного значения так долго владели здесь многими театральными площадками.

Г. РЫКЛИН

Ленинград

ПЕРЕСТРОЙКА НА-ХОДУ

Рис. А. АРУТЮНЯНЦА (г. Киев)

— Ну, теперь, пожалуй, меня никто не станет обвинять в низкопоклонстве перед Западом!

БАЛ УДАЛСЯ

БАЛ открыл Коля Пимушкин, член комсомольского бюро.

Он вышел на эстраду, одёрнул пиджак, с привычной строгостью трибуна оглядел столпившихся в зале нарядных юношей и девушек и объявил:

— Разрешите считать наш бал открытым. Предлагаю выбрать прези... то есть... это... распорядителя танцев!

— Пимушкина! — тотчас выкрикнули из зала.

— Спокойно, товарищи! В распорядители танцев предлагается Митя Савельев, наш физкультурник. Ему в этом вопросе, как говорится, и ноги в руки!

В зале зааплодировали. Митя Савельев дал знак музыкантам, те грянули вальс — и пары заскользили по блестящему паркету!

Бал удался. Всюду царило милое, непринуждённое веселье, раздавался задорный, молодой смех.

Единственный человек, который «среди шумного бала» чувствовал себя сиротливо и неуютно, был Коля Пимушкин. Он не танцевал, не пел, не играл в литературную викторину. Не делал он всего этого потому, что боялся подорвать свой авторитет в глазах молодёжи.

«Как хотите, а всё-таки танцы — это удовольствие для рядовой молодёжной массы, руководителю скакать козлом по залу как-то... неудобно! Попеть?! Попеть — оно, конечно, не мешало бы, но... петь в общем хоре — значит потерять своё лицо руководителя. А петь ни с того, ни с сего «соло» просто глупо! Что касается литературной викторины, то тут имеется другая опасность: начнёшь что-нибудь разгадывать — и на глазах рядовой массы наврёшь с три короба! Нет, уж бог с ней, с этой викториной! А кроме того в клуб обещал захватить сам

Сергей Васильевич, секретарь партийной организации, человек серьёзный, требовательный. Что он скажет, когда увидит, что член бюро комсомола легкомысленно предаётся удовольствиям?!»

Так думал Коля Пимушкин и, не зная, куда себя девать, слонялся по клубным комнатам, делая вид, что он кого-то разыскивает.

Вот он заглянул в большой зал. К нему подошла Наташа Соколова, красивая, розовая, возбуждённая, и пригласила танцевать.

Коля Пимушкин слегка смутился, польщённый этим приглашением, но потом нахмурился и сказал, оберегая свой авторитет:

— Я... в общем... не танцую...

— Жаль... в общем!

— Ну, а как тут у вас идут танцы? — снисходительно улыбаясь, спросил Коля Пимушкин. — Как говорится, каков процент охвата?

— Процент высокий! — засмеялась Наташа. — Мало кто из ребят у стен жмётся. Все танцуют!

— Ну, танцуйте, танцуйте! Для того и бал устроен, чтобы размяться. Но смотрите, как бы в переоценку танца не впасть. Ты вот танцуй, а сама думай!

Наташа Соколова бурно возмутилась. — Ну, знаешь, если во время танца думать о том, чтобы «не впасть», то нетрудно и упасть! Митя, пошли!

Подскочил Митя Савельев, ловкий, стройный, подал Наташе руку, и они пошли раздвигать огненный краковяк.

Коля Пимушкин постоял, посмотрел, вздохнул и поплёлся в комнату шахматного кружка, где собрались любители хорового пения.

Там его встретили шумными возгласами:

— Николай! Коля! Иди сюда, присоединяйся! Нам как раз вторых голосов нехватает!

— Я... в общем... охрип!.. Вы уж... без меня, ребята! А вторых голосов, товарищ Тимофеев, между прочим, можешь сколько угодно в зале мобилизовать. Среди молодёжной массы!..

— Я же в смысле вокальном...

— И я... в вокальном! Продолжайте, товарищи!

Он вышел, и сейчас же за дверью кто-то насмешливо пропел:

— Что ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ты девушкам петь не даёшь?!

Коля Пимушкин быстро зашагал прочь. Он спустился по лестнице, направляясь в нижнее фойе, где играли в литературную викторину.

Он заглянул в комнату и хотел было сразу же удалиться, но его заметили.

— Коля! Пимушкин! — закричали со всех сторон. — Где ты пропадаешь?! Тише, ребята, пусть он отгадает! Коля, скажи, сколько лет было Владимиру Ленскому, когда его зверски застрелил Евгений Онегин?

Коля Пимушкин насторожился, почувствовав, что его авторитет находится на краю пропасти.

— Некогда мне, ребята! — сказал он, делая значительное лицо. — У вас викторина, а у меня весь бал на плечах. Но вы играйте, ничего! Это игра хорошая, культурная. А я пойду...

— Нет, сначала скажи, сколько лет было Ленскому?

— Молодой был парнишка. Комсомольского возраста... Вы поглубже, между прочим, ставьте вопросы.

— Ты не отвиливай! Сколько же всё-таки точно было лет Ленскому?

— Я в паспорт Ленского не заглядывал, — сухо сказал Коля Пимушкин.

В фойе засмеялись.

— А ты не в паспорт, ты в Пушкина заглядывай почаще. У Пушкина точно сказано:

«Он пел поблёклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет».

В фойе опять засмеялись. Коля Пимушкин покраснел, начальственно пробормотал: «Валяйте, валяйте дальше!» — и ушёл с излишней поспешностью.

Повторяя круг своего обхода, Коля Пимушкин снова поднялся наверх, в большой зал. Оттуда доносились разудалые звуки «русской».

Войдя в зал, он остоленел. По паркету белым лебедем плыла красивая Наташа, а рядом с ней вприсядку плясал Сергей Васильевич, секретарь партийной организации. А участники бала смотрели на эту весёлую пару, хлопали в ладоши и подпевали в такт музыке.

Увидев Колю Пимушкина, Сергей Васильевич подбежал к нему и, держась за сердце, сказал, смеясь:

— Наконец-то смена пришла! Ну-ка, смена, жги за меня!

— Я, Сергей Васильевич, в общем... не танцую!.. — пролепетал Коля Пимушкин.

— Здравствуйте! А что же тут делаешь, на балу?

— Я... это... в смысле общего руководства!..

— По-моему, брат, на балу плясать надо, а не руководить!

Коля Пимушкин посмотрел в смеющиеся глаза Сергея Васильевича, улыбнулся и вдруг махнул рукой:

— Эй, музыка! Давай! Жги!

И пошёл выдвигать дьявольские коленца на встречу Наташе Соколовой.

Бал определённо удался!

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Тысяча страниц и одна ночь.

Многие учебные программы вузов непомерно перегружены.

КЛЮЧ, КРЮЧОК И СВОДКА

ИДЯТ они в кате. Сидят и скучают. Виктор Бушин, Оля Мовчан, Надя Шоха, ещё одна Надя Шоха, Юрий Голубец, Петро Лунько. Тут же и Маруся Котляренко, и Таня Бевз, и Лиза Доброношенко.

Все из одного села Балаклея, Смелянского района, Киевской области.

Обо всём уже переговорили. Все песни перепели. Про раскинутое море, про яблоневый цвет, про одинокую гармонию.

Играли в «верёвочку», в «телефон», в «третий лишний».

Рассказывали сказки. Вспоминали загадки. Долго молчали. Потом заговорили. Всё о том же. По принципу у кого что болит.

— Так вот и будем сидеть?
— Ничего не поделаешь.
— А если самовольно? Через окно влезть?

— Нельзя. Некрасиво.
— А он красиво поступает?
И начинается горячий спор. Спорят долго, до петухов. Только и слышно:

— Лихолай не даёт!
— Лихолай не позволит!
— Лихолай не разрешит!
— Да разве Лихолая уговоришь?

Поскольку в Смелянском районе Лихолаев несколько, мы, чтобы не вводить читателей в заблуждение, скажем сразу, что парни и девушки вспоминают того Лихолая, который заведует клубом. Между прочим, на посиделках в большом ходу загадка:

— У кого самая тяжёлая жизнь?

— У Лихолая: всё время ключ от клуба с собой носит.

Шутки шутками, а молодёжи досуг проводить негде. Клуб всё время на замке, ключ у Лихолая в кармане, а Лихолай всё время на печке.

Об «инициативном» завклубе хорошо знают во всех районных организациях. Знают, что Лихолай «оживляется» только в те дни, когда расписывается в ведомости на заработную плату. Молодёжи от этого нисколько не легче. Поэтому пришло в «Крокодил» письмо с каверзным вопросом:

«Нельзя ли облегчить Лихолаю жизнь и отобрать у него ключ?»

Расскажем ещё о клубе, в селе Красный Яр, Грязнухинского района, Алтайского края.

В этом клубе порядки совсем иные. Днём в клуб можно заходить кому угод-

но. Можно посидеть в пустом зале, посмотреть на голые стены. Но как только стемнеет, заведующий клубом Верёвкин запирается изнутри на крючок и вывешивает объявление:

«Вход посторонним строго воспрещён. Идёт репетиция».

Какую трагедию репетирует Верёвкин всю зиму, установить не удалось.

А вот письмо от молодёжи села Суна, Кировской области. Сообщив, что в их клубе холоднее, чем на улице, авторы без всяких недомолвок заявляют:

«Десятки раз обращались мы к председателю райисполкома тов. Рыболовлеву и секретарю райкома ВКП(б) тов. Доможирову с просьбой помочь нам восстановить клуб. Но так ничего и не добились. Хотя какое дело т. Рыболовлеву и Доможирову до клуба? Бывают они в нём два раза в год. А самое главное, о работе клуба ни в какой сводке не нужно упоминать...»

Вот теперь можно подвести итог. В Балаклее культурный отдых молодёжи не ладится из-за ключа, в Красном Яру — из-за крючка, а в Сунах — из-за сводки.

Причины разные — результат один.

...Сидят они в кате. Сидят и скучают.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

СЛОНА звали:
Хассан-Бен-Али-Бен-Селим-Абдалла - Мухамед - Моисей-Алхиимал - Джемсетджеджи-кой-Джулип-Султан-Бхупур.
Прозвище у слона было более короткое. Израсходована всего одна полдюжина букв:

Джумбо.
И вот Джумбо исчез, скрылся вместе со всеми своими одиннадцатью именами.

История исчезновения Джумбо описана М. Твэном. Десятки сыщиков кинулись по следам слона. Сотни репортёров ринулись по следам сыщиков.

Самые распространённые американские газеты печатали телеграммы о подлинных и мнимых похождениях слона. Крупным шрифтом! На первой странице!

Как же иначе? Американский народ должен быть информирован о положении слонов в стране!

А что если бы Джумбо не пожелал, чтоб сведения о нём проникли в печать?

Давайте слегка пофантазируем и направим течение твэновского рассказа по другому руслу.

Слон Джумбо собственной персоной явился к редактору газеты «Бизнес таймс».

— Садитесь, мистер Джумбо, — говорит любезный редактор, на которого осанка посетителя произвела должное впечатление. — Чем могу вам быть полезен?

— Мистер редактор, — не менее галантно отвечает Джумбо, — не соблаговолите ли вы взять на себя труд и получить вот этот банковский чек в обмен на ваше молчание? Короче говоря, ни слова обо мне!

— Ол-райт! — говорит редактор.

— О-кей! — отвечает слон.

Затем слон Джумбо посетил редактора газеты «Доллар-пост». Приём был замечательный, но, поняв, что ему хотят дать взятку, неподкупный редактор громко выразил своё негодование.

Джумбо не растерялся.

— Что вы?! — воскликнул он. — Вы меня не так поняли. Видимо, я не совсем точно выразился. Речь идёт об объявлениях, которые я хочу дать вашей газете. В первую очередь объявление о покупке мух, из которых делают слонов.

— Ол-райт! — говорит редактор.

— О-кей! — отвечает слон.

* * *

В нашем рассказе о сделке, заключённой слонем с американскими редакторами, нет никаких преувеличений. Для большей реальности надо лишь заменить четвероногого мистера Джумбо каким-нибудь не менее солидным двуногим мистером с Уолл-стрита — и всё будет ясно.

Молчание — золото. В подавляющем большинстве американских газет эта старая поговорка звучит по-другому: молчание за золото.

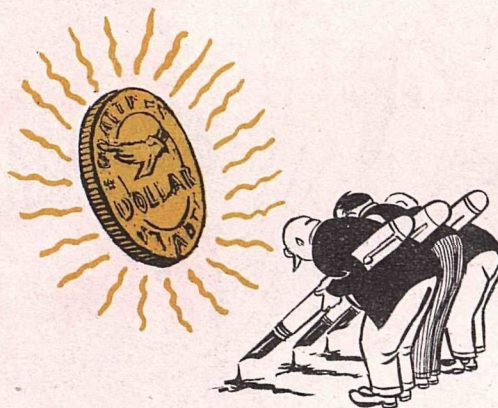
Джордж Сельдес в своей новой книге «1000 американцев» говорит по этому поводу:

«Становится очевидным, что, хотя американская печать утверждает, что она «самая свободная печать» в мире, американский народ — это наименее информированный народ среди всех просвещённых наций мира».

На газетные столбы не проникнет ни одна строчка, ни одно слово, которое не по душе капиталистической верхушке, этой 1000 американцев, держащей в своих руках всю власть в стране.

Не сразу Джордж Сельдес пришёл к таким грустным выводам. Была пора, когда он был наивен, когда он верил в честь и достоинство американской прессы.

В другой своей книге, иронически названной «Свобода печати», Джордж Сель-

дес вспоминает начало своей газетной карьеры.

Он пришёл пылким юношей в редакцию газеты и торжественно заявил:

— Я считаю работу журналиста самой прекрасной профессией в мире. На свободе печати зиждется вся наша независимость.

Старый газетный волк, заведующий городской хроникой, мистер Игл ответил:

— Чувш! Знаете ли вы, что это за профессия? Это проституция. Проституция! Газетные шлюхи — вот мы кто, и вот чем вы будете, если останетесь в этом паршивом деле...

— Но, — запротестовал Сельдес, — ведь я пришёл в редакцию «Лидер»... Я же не пошёл работать в «Таймс» или какую-нибудь другую газету.

Продаж

— Значит, вы ещё больший дурак, чем я думал, — ответил Игл. — Вы сами это скоро поймёте...

Джордж Сельдес скоро понял. Но он не пошёл по стопам уолтеров липшманов. Об этом свидетельствуют книги Сельдеса, полные горячего протеста против продажных перьев Америки.

* * *

Камера тюрьмы.

Камера, похожая на роскошный номер в дорогом отеле.

На столе журналы, газеты, ящик сигар, недопитая чашка кофе и допитая бутылка виски.

За столом Аль Капоне. Сам Аль Капоне! Изредка этот гангстер, вернее, король американских гангстеров, отбывает незначительные сроки «наказания» в фешенебельной тюрьме.

Перед бандитом, одетым в тщательно выглаженную пижаму, стоит, согнувшись в три погибели, сотрудник журнала «Либерти».

Аль Капоне даёт интервью. В тот же день оно было крупным шрифтом и на видном месте напечатано в «Либерти».

Вот оно полностью, это интервью:

«Большевизм стучится к нам в дверь. Мы не можем позволить ему войти. Мы должны объединиться против него, встать плечом к плечу и крепко держаться. Мы должны сохранить свою Америку и не дать ей погибнуть. Мы должны охранять рабочих от красной литературы и от красных козней».

Заметьте, Аль Капоне говорит: «Мы должны объединиться», «Мы должны сохранить». Кто «мы»? Ясное дело — Аль Капоне, Аль Даллес, Аль Томас, Аль Вандерберг.

Вот для кого в Америке существует «свобода печати».

Два пути у американского журналиста: или (по образному выражению Эптона

ВРАДИОГОЛОС

— Внимание! Внимание! Говорит специальный корреспондент «Голоса Америки»! Сейчас я нахожусь на границе одного восточ-

ного государства. Слушайте мой репортаж. С шумом проходят танковые колонны. За ними следуют полки красной пехоты,

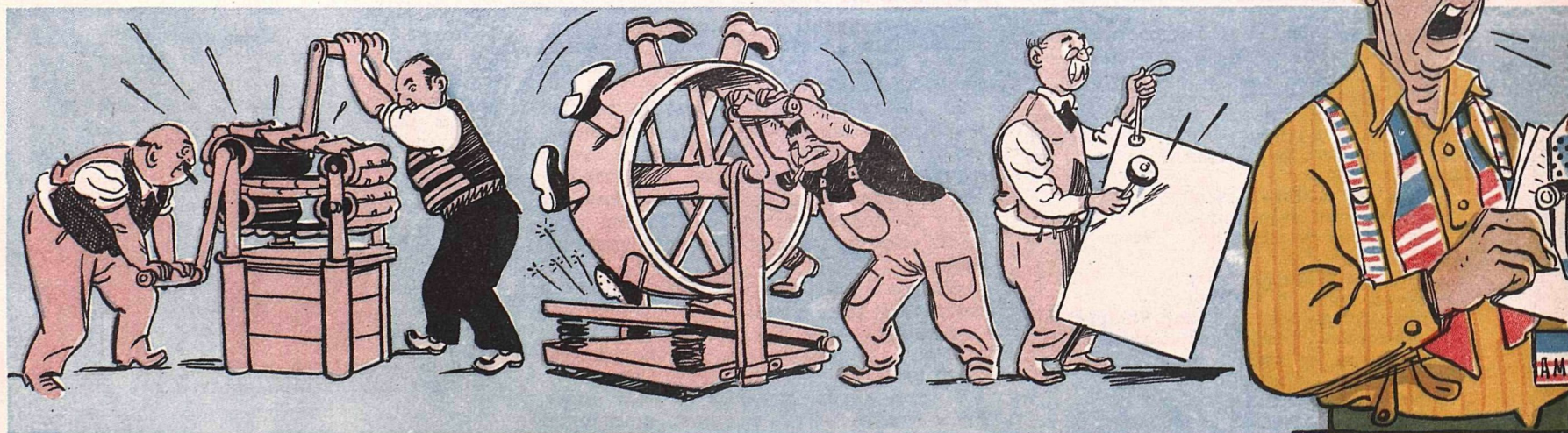

Рис. Ю. ГАНФА

(Синклера) «завтрак, который состоит из сапожного крема, слизываемого с ботинок их хозяев», или недоедание в буквальном и печальном смысле этого слова.

Джордж Сельдес в своей книге «1000 американцев» подробно останавливается на положении печати в штате Монтана. Этот штат ничем не отличается от других американских штатов. Монтана в данном случае — это та капля воды, анализ которой свидетельствует о состоянии всего водоёма.

Самое распространённое слово в Монтане — это «компания». Всё порочное определяется одним словом — «компания». В штате Монтана господствует компания по добыче меди — «Анаконда Конпер майнинг компани»... Компания фактически контролирует всю печать в штате.

Это прозвучало бы странным анекдотом, если бы кто-либо сказал, что советский журналист Н. работает под контролем Главцвеммета, журналист Н. Н. «субсидируется» Сахаротрестом, а статьи журналиста Н. Н. Н. оплачиваются трестом Тэжэ. И это несмотря на то, что наши Главцвеммет, Сахаротрест или Тэжэ не имеют своих, отличных от народа интересов.

А там, в стране продажных перьев, огромное поголовье журналистов кормится в яслях господ своих — частных трестов, банков, компаний. И перья эти пишут лишь то, что угодно боссу, хозяину.

Сенатор Мэррей посмел выступить с критикой деятельности компании в Монтане. Печать штата аккуратно замалчивала все выступления сенатора. И вот Мэррей вынужден был рассылать тексты своих речей прогрессивным гражданам, прилагая к ним следующие обращения:

«Прошу вашего внимания!

Прилагаемый текст моего выступления в сенатской комиссии по вопросам банков, валюты и свободы печати в Монтане содержит неопровержимые факты,

которые должны стать известными всем гражданам Монтаны. Прошу прочесть прилагаемый материал и передать его для ознакомления другим гражданам.

Искренне ваш Джеймс Е. Мэррей, сенатор США».

Вот этот небольшой документ за подписью американского сенатора следует предъявить всякому заокеанскому агуну, который, не краснея, болтает о свободе слова, о свободе печати в окрестностях статуи Свободы!

В заявлении сенатора Мэррея читаем: «Например, в моём родном городе Бьюте компания «Анакода» владеет утренней газетой «Демократик» (орган демократической партии) и вечерней газетой «Рипаблик» (орган республиканской партии), причём обе они печатаются на одном печатном станке, и все их материалы подлежат цензуре компании».

У всех у них один станок, один босс, один цензор. Вывески только разные.

Давайте покинем Монтану и посмотрим, что творится в других штатах Америки.

Во всех штатах Америки нельзя в печати плохо отзываться о креме для лица. Крем отвратительный: после его употребления лицо покрывается изрядным количеством прыщей.

Но Морган имеет пай в косметической корпорации, а посему крем священен и неприкосновенен.

Морган имеет пай не только в косметике, но и в Чан Кай-ши. Дом Моргана имеет большую долю в займах, предоставленных гоминдановскому Китаю. А посему все «таймсы», «таймы» и «лайфы» обязаны всячески порочить демократические силы Китая.

Морган имеет пай не только в косметике и Чан Кай-ши, но во всей реакцион-

ной внешней политике США последних лет. И вот почему уполномоченный Моргана изъял из книги Уолтера Миллиса «Путь к войне», пока она готовилась к печати, всё, что касалось Моргана и его профашистских симпатий.

Когда журнал «Харперс мэгезин» дал однажды негодную директорам банкирского дома Моргана трактовку международного положения, последовал хозяйский окрик — и журнал тотчас же «перестроился» и начал с большим рвением печатать статьи фашистского характера.

Морган не един. Такие же хозяйские окрики несутся в адрес газет и журналов и из других банкирских домов.

Но иногда в этих органах печати появляется, и кое-что похожее на критику.

Для того чтоб поддержать миф о своей независимости и смелости, Херст и некоторые другие издатели и редакторы выступают с нападками на жуликов, но только на тех, которые не рекламируют у них своих изделий. Они нападают на политических деятелей, но только на прогрессивных или на тех, кто не имеет никакого влияния.

Не только газеты, но и все журналы закуплены крупными фирмами и банкирскими домами.

Одни журналы проводят «идеологию» финансовых воротил открыто, другие это делают тихо, незаметно для читателей.

Сельдес утверждает, что он не знает ни одного случая, когда бы большие журналы в Соединённых Штатах приняли от автора-беллетриста рассказ, в котором рабочий был бы прав, а наниматель неправ.

Журнал «Америкэн мэгезин» из месяца в месяц, из года в год повторяет на своих страницах историю о бедном и несчастном мальчике, выбившемся в люди и заработавшем хорошие деньги. Вот, мол, какая страна Америка, вопреки всем разговорам «красных». Приезжает в Нью-Йорк из провинции робкий бедный паренёк, в потёртом пиджачке, а через несколько лет, благодаря хорошему поведению, легко становится богачом, изысканным джентльменом. Следуйте его примеру, остальные бедные молодые люди!..

Деньги вплетены в страницы «Лайф», «Тайм», «Форчэн», «Сатердей ивнинг пост», «Колльерс».

Деньги вплетены в полосы почти всех буржуазных газет Америки. Лицо этой прессы — Доллар. Он босс, цензор и хозяин печатного слова в Америке.

И все херсты, липпманы и маккормики стоят, согнувшись в три погибели, перед ним, как тот репортёр перед Аль Капоне, и готовы выполнить всякое грязное поручение мистера Доллара!

Г. ЕФИМОВ

вооружённой до зубов, вы слышите топот солдатских сапог. Грохот пушек чередуется с треском пулемётов. А вот из-за прикрытия выскакивает красная кавалерия — слушайте стук подков на

мостовой. А это что за шум? Это коммунисты избивают своих противников. Вы слышите удары дубинок и страшные крики жертв... На этом мы кончаем нашу сегодняшнюю передачу.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Давайте играть. Мы будем пионеры, а вы — наши шефы из райкома комсомола.
— Что же нам делать?
— Ничего.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Очень довольны были школьники из села Каменная Балка, Первомайского района, Одесской области, когда к ним в школу привезли в качестве наглядного пособия большую действующую модель паровой машины. Но, увы, радость их была преждевременной! Как ни бились ребята над моделью, но так и не смогли привести её в действие. Может быть, читатель подумает, что виноваты были в этом неопытные в механике дети. Ничего подобного: виноватыми оказались вполне опытные взрослые дяди.

Дело в том, что они изготавливают такие наглядные пособия, по которым дети могут научиться только одному: как изготовлять брак. Желая избавить школы от бесполезных трат на приобретение таких, с позволения сказать, наглядных пособий, сообщаем адрес бракоделов:

г. Щелково,
Московской области,
завод имени Дзержинского.
Директор — тов. Панин.

Каждый, вероятно, знает, как можно сделать чернила домашним способом. Берётся обыкновенная вода, и в неё опускается графит чернильного карандаша, истёртого в порошок. Но не каждому, вероятно, известно, как из чернил можно получить обыкновенную чистую воду. Выдающихся успехов в добывании чистой воды из чернил добился завод «Комсомольская правда». Представьте, он выпускает такие чернильницы, которые на глазах у изумлённых владельцев в несколько минут превращают чернила в натуральную воду.

Как сообщают нам работники Днепропетровского райкома ЛКСМУ, в эти чернильницы можно лить сколько угодно чернил любого цвета и качества — результат будет один и тот же: сплошное Н:О.

Приветы магазинам и чародеям шлите по адресу:

г. Ленинград,
завод «Комсомольская правда».
Директор — тов. Ильин.

Родители! Только свитеры-кольчуги способны закалить ваших детей и защитить их в случае нужды от всевозможных неприятностей. Надев такой свитер, каждый ребёнок будет чувствовать себя в полной безопасности. Его предохранит от внешних невзгод большое количество колючек, примешанных к небольшому количеству шерсти, из которой связаны эти детские одеяния.

«Мы целую неделю, по два часа в день, вытаскивали из свитера колючки, — пишет в редакцию Толик Пацын из города Пятигорска, — и набрали уже два стакана. Когда наберём еще несколько стаканов колючек, отнесём их на память тем, кто проявил истинную заботу о нас, ребятах. Адрес я хорошо знаю:

г. Пятигорск,
Ткачно-прядильная фабрика,
Директор — тов. Мамисашвили.

Рис. П. ЗОРЯ (город Энгельс)

Детские игрушки, выпускаемые артелями промысловой кооперации, в большинстве случаев весьма низкого качества.

— По упругости и эластичности мячи нашей артели не имеют себе равных: как мы ни стараемся забросить их на полки магазинов, они всякий раз отскакивают к нам обратно!

К ВОПРОСУ О РОСТЕ

В зимний погожий вечер встретились на улице Нина Мордовцева, второй секретарь Фроловского райкома комсомола (Сталинская область), с пионервожатой Надей Грабилиной.

— Нина, мне нужно с тобой поговорить, — сказала, как равная равной, пионервожатая секретарю.

Но секретарь, видно, знала себе цену и коротко бросила:

— Зайди в кабинет, там поговорим.

— Я к тебе уже не раз заходила, но всё не застаю.

— Зайдёшь ещё раз!

Беседа, как видите, была совсем короткой, а ведь могла быть более продолжительной. Ну, чего стоило Нине сказать ещё:

— Приёма нет! Загляните через недельку! Обратитесь к моему секретарю! Звякните какибуды!

И т. д. и т. п.

Видно, Нине Мордовцевой нужно ещё расти и расти, чтобы дорасти до полного бюрократа.

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК Н. К. НИКИТИНА

К жителям деревни Седово пожаловал из области редактор Архангельского издательства Николай Карпыч Никитин.

— Кто хочет послушать мою лекцию о морали? Пожалуйста, приобретайте билеты!

Н. К. Никитин реализовал билетов на 70 рублей. На вырученные деньги Никитин приобрёл водку. К вечеру он не мог связать и двух слов.

Лекция о морали так и не состоялась. Зато моральный облик редактора Н. К. Никитина предстал перед жителями деревни Седово во всей своей красе!

НЕПОБЕДИМЫЕ РЕКОРДЫ

Ещё в 1944 году в Кемерове были установлены 22 областных рекорда по лёгкой атлетике. С тех пор эти рекорды никем не побивались. В авторитетных кругах считают, что заслуга в столь длительном удержании рекордов принадлежит исключительно областному отделу физической культуры и спорта, а также областному комитету комсомола, которые с 1944 года не уделяют никакого внимания вопросам спорта как в городе, так и на селе.

ОТКРЫТИЕ БИБЛИОТЕКИ

Нам совершенно случайно удалось установить, что библиотека при клубе железнодорожников в Павлограде, Сталинской железной дороги, откроется неизвестно когда. Закрылась же она, по вполне проверенным данным, полгода назад как нерентабельное предприятие, не дающее райпрофсожу дохода.

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОИСКИ

Поиски современного репертуара для молодёжной самодеятельности в г. Вичуге (Ивановской области) до сих пор не увенчались успехом. В областном отделе Союза писателей попыток создать такой репертуар тоже не обнаружено. Поиски продолжаются.

СКОЛЬЗКОЕ МЕСТО

Самым скользким местом в Новосибирске считается касса у городского катка общества «Спартак». Каждый пришедший сюда школьник падает от удивления, прочитав, что за вход на каток ему нужно уплатить 3 рубля. Пострадавшим помощи пока никто не оказывает.

ЦЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

На днях в отдел местной промышленности Архангельска явился мальчик Петя Колычев и продемонстрировал очень интересное приспособление для ходьбы по снегу. Приспособление это состоит из двух узких деревянных полос, загнутых с одной стороны кверху, и двух длинных палок. Деревянные полосы прикрепляются специальными ремнями к обуви. На этом несложном приборе можно довольно быстро передвигаться и даже бегать. Работники местной промышленности с большим любопытством разглядывали всю аппаратуру и заявили, что видят её в первый раз.

Рис. Г. ВАЛЬКА

В МУЗЕЕ

— Петя, а что это такое — соха?
— Так назывался трактор в старое время!

ВЗРОСЛЫМ — ОТ РЕБЯТ-МОСКВИЧЕЙ

Товарищи дяди, товарищи тётки!
Мы верим, что вы нашу просьбу
уздёте.

Ведь каждый из вас согласится, не споря,

Что слишком далеко до Чёрного моря.

Но вы нам Московское море создали,
Его мы своими глазами видали.

Раскинулось море, зовёт человека.
Но всё-таки здесь нехватает Артека!

Мы просим построить Артек
в Подмоскovie.

Такой, как в Крыму, детворе
на здоровье.

И вам в разрешении этой задачи
Желаем размаха! Желаем удачи!

Сергей СМЕРНОВ

Рис. В. ГОРЯЕВА

В ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНАХ КИТАЯ

— Сколько лет мы платили помещику за эту землю, а пришла народно-освободительная армия и сразу расплатилась с ним!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ...

1 Короли бизнеса всячески стремятся перешибить друг друга сумасбродным расточительством.

Посмотрите на господина, завтракающего в компании двух своих буль-догов.

Однако не подумайте, что журнал «Лайф» подаёт это фото как сенсацию. В газетах не редкость прочитать объявление о том, что мисс такая-то оставила завещание в пользу своих собак, ещё одна построила для них замок, третья обеспечила свою любимицу «личным» врачом и аптекой.

В отличие от миллионов простых американцев и якобы облагодетельствованных «планом Маршалла» европейских народов собаки американских богачей живут припеваючи.

В 1944 году, в самый разгар войны, американские богачи истратили 9 миллионов долларов на уход за собаками, 5 миллионов долларов — на драгоценные ошейники и духи и 15 миллионов долларов — на собачью гастрономию.

Такова «собачья жизнь» в капиталистических кварталах Америки.

Но понятие о собачьей жизни звучит совершенно по-иному в странах Западной Европы, о которой так пекутся американские собаководы.

Посмотрим, что принесли они, например, Франции. Безработица стала вдвое больше, чем год назад. Нищета бродит по городам и сёлам Франции, стучась во все двери. Однако теперь уже почти каждый француз знает, что привезена она из Америки, по «плану Маршалла».

2 Знает это и молодой французский горняк Альбер Рош из шахтёрского городка Ленц, вместе с семьёй показанный на снимке в шведском журнале «Се».

Лет десять назад молодой французский рабочий Роже Белланже написал автобиографическую книгу «Мне двадцать лет». В одной из статей, посвящённых этой книге, французский коммунист и литератор Вайян Кутюрье писал: «Сейчас им двадцать. Их путь не усыпан розами — покрыт шипами и колючками. Что ожидает их через десяток лет?»

Чтобы получить ответ на этот вопрос, заглянем к Альберу Рош. Клетушка, в которой он живёт, имеет площадь в девять квадратных метров, пол в ней каменный, стены сырые. Здесь едва умещаются две облупленные железные кровати, потёртый стул и печурка, которая, кстати говоря, топится не каждый день.

Заработок Роша — 500 франков в день, т. е. около 12 500 франков в месяц. По исчислению Всеобщей конфедерации труда, прожиточный минимум для одного рабочего равняется 15 500 франкам. А у Роша трое иждивенцев: жена и двое маленьких детей.

Между тем цены растут с каждым днём. Франк, надпись на котором «Свобода. Равенство. Братство» звучит злой шуткой, катится под гору. Привязанный к доллару, он уже не свободен, доллару он не равен (1 доллар = 300 франков), а «братство» их похоже на содружество палача и жертвы.

3 Падение реальной стоимости франка можно проследить по остроумной таблице, напечатанной газетой «Франс нувель». На этой таблице показано, сколько можно было купить на один франк хлеба и мяса в 1914, 1938, 1945, 1947 и 1948 годах.

Только за последний год цена на хлеб подскочила на 46 процентов, на картофель и на сахар — на 35 процентов, на растительное масло — на 122 процента, на мыло — на 96 процентов. Так же баснословно поднялись цены на уголь, на электроэнергию, на газ и даже на воду. Дети Альбера Роша не видят молока, масла, овощей, и, чтобы свести концы с концами, отцу приходится отказывать себе во всём, даже в табаке. «Собачья жизнь!» — горько жалуется молодой рабочий.

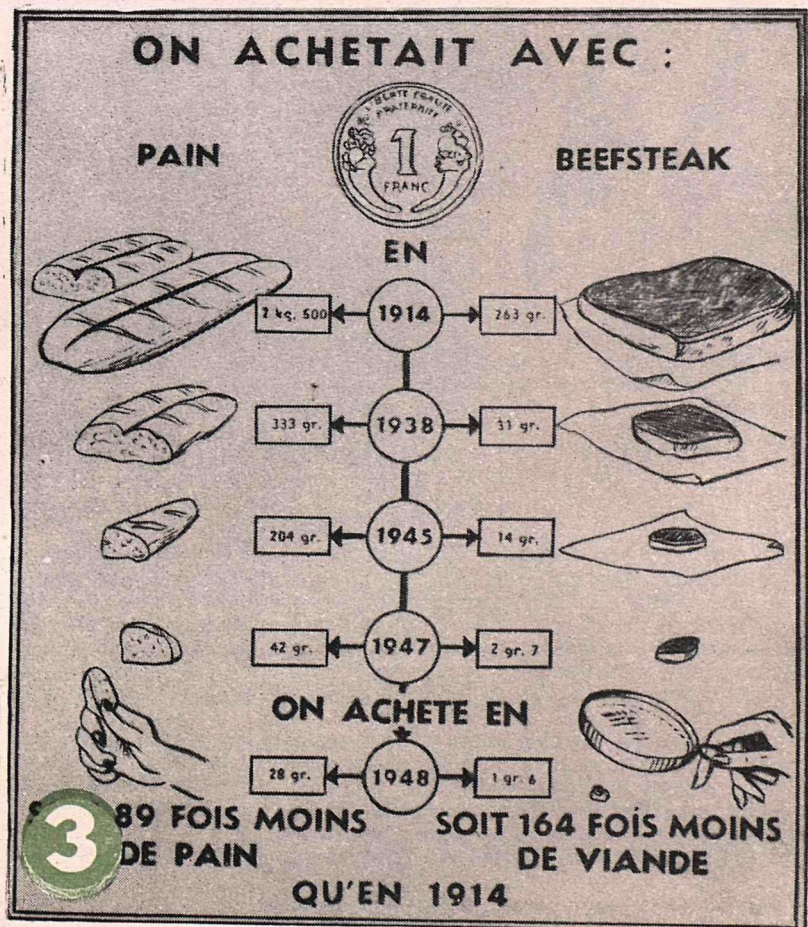
Ю. ЯРЦЕВ

1

2

Счастье

БЫТЬ МОЛОДЫМ...

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

ОГДА мы приехали в Лондон на конгресс молодёжи, мы сразу увидели, что в Англии к молодёжи очень внимательны. Под заседание конгресса было отведено прекрасное здание — Альберт-холл, — и на открытие прибыл сам министр финансов Великобритании сэр Стаффорд Криппс — он считается в Англии «шефом молодёжи».

Открытие конгресса происходило в очень торжественной обстановке. Одним из самых патетических моментов на открытии было, несомненно, выступление английской делегатки. Она вышла на трибуну и сказала:

— Сейчас будет произведён сбор средств на оплату помещений, снятых для работы конгресса. Просим делегатов пожертвовать, кто сколько может.

И тут же английские студенты с кружками пошли по рядам собирать деньги. Все делегаты были очень растроганы, что сэр Криппс оказался шефом не только на словах, но и на деле: несмотря на бедственное финансовое положение Англии, её министр финансов собственноручно опустил в кружку несколько шиллингов.

Заботу о молодёжи мы обнаружили и в Сеймор-холле, где происходили заседания конгресса.

— Вам придётся освободить помещение, — заявил нам хозяин, — с трёх часов дня я сдал его под танцы.

Мы, конечно, вынуждены были прекратить свою работу.

Что касается лондонской прессы, то её внимание к конгрессу молодёжи было исключительным. За всё время нашей работы мы не прочли ни в одной газете ни одного плохого слова о конгрессе.

Правда, не было написано и ни одного хорошего слова: ни одна газета не заметила, что в Лондоне собрались представители молодёжи 63 стран мира.

Единственным исключением явилась газета «Дейли-скэтч». Решив, видимо, дать своим читателям исчерпывающие сведения о происходящем конгрессе, она поместила снимок итальянской делегатки с подписью: «Самая красивая делегатка конгресса».

Внимание к молодёжи мы наблюдали и на улицах Лондона. Так, например, на Стрэнде, одной из центральных улиц Лондона, мы видели молодого человека с надписью на спине и на груди:

«Демобилизованный офицер не имеет никаких средств к существованию. Согласен на любую работу».

Между тем работы в Лондоне сколько угодно — мы в этом убедились собственными глазами. На Пикадилли в любую погоду можно встретить молодого парня с аккордеоном и с надписью на груди: «Попросите сыграть».

Он оказался прекрасным музыкантом с классическим музыкальным образованием. Хотя его никто не просит сыграть, всё же в его шляпе иногда позвякивают мелкие монеты.

На Оксфорд-стрит мы часто видели двенадцатилетнего мальчика с куклой. Он стоял на тротуаре, смотрел в глаза прохожим и непрерывно повторял.

— За один пенс плачет и смеётся. Смеётся и плачет. Всего за один пенс!

И при этом он дёргал свою куклу то за одну, то за другую ниточку, и кукла действительно то плакала, то смеялась.

Мы сначала не поняли, что всё это называется «работой».

— Послушайте, — обратились мы к нашему провожатому, англичанину, — почему в Лондоне так много нищих?

— Вы ошибаетесь, — перебил, усмехаясь, наш спутник, — в

Англии нет и не может быть нищих. У нас запрещено стоять с протянутой рукой. Все эти люди работают. У каждого из них есть профессия и есть даже, как видите, постоянное «место работы». Правда, у них нет постоянного жалованья, но разная ведь бывает работа...

На одном из парижских ресторанов появилось объявление:

«Требуется молодые официанты с высшим образованием».

Когда хозяина ресторана спросили, зачем ему нужны официанты с высшим образованием, он ответил:

— Очень просто: у них большой стаж работы официантами. По крайней мере, семь лет. Пять лет, пока они учились, и два года после окончания, с тех пор, как у нас «план Маршалла»...

Вот чем объясняется то, что в английские пароходные компании подано было в последнее время 600 тысяч заявлений от юношей и девушек, желающих эмигрировать в Австралию, Канаду, Южно-Африканский Союз. Аналогичные заявления об эмиграции поступают и от молодёжи Австралии, Канады, Южно-Африканского Союза...

Несколько слов об отдыхе и развлечениях молодёжи.

Было бы неправильным предполагать, что высокие цены на билеты в театры лишают молодёжь возможности отдохнуть. На театрах свет кино не сошёлся.

Не говоря уже об американских фильмах (о них почти всё сказано), к услугам английских юношей и девушек разнообразная литература и всякие массовые развлечения.

— Далеко ли джентльмены едут? — спросил нас продавец в книжном магазине.

— А почему вы решили, что мы вообще едем куда-нибудь? — удивились мы.

— Как же! — улыбнулся продавец. — Раз вы покупаете книгу, — значит, вам нужно скоротать время в поездке. Вы хорошо сделали, что зашли к нам. У нас имеется большой выбор книг — от пяти минут до четырёх часов езды. Вот, пожалуйста: «Дневник массажистки» — на один час сорок минут. То же самое в сокращённом варианте — на двадцать минут. Джентльмены это не интересует?.. Тогда возьмите «Окровавленный палец» — сорок минут езды поездом. Если попадёте на экспресс, звёздочками отмечено, что можно не читать. Всё предусмотрено. Джентльмены будут довольны...

Наглядной иллюстрацией «забот» о культурном отдыхе молодёжи являются «английские аттракционы». Здесь за небольшую плату каждый может получить набор американских удовольствий: «автоматические гадания», «стальная рука», достающая выигрыш, автоматы с экраном, на котором демонстрируются фривольные сцены...

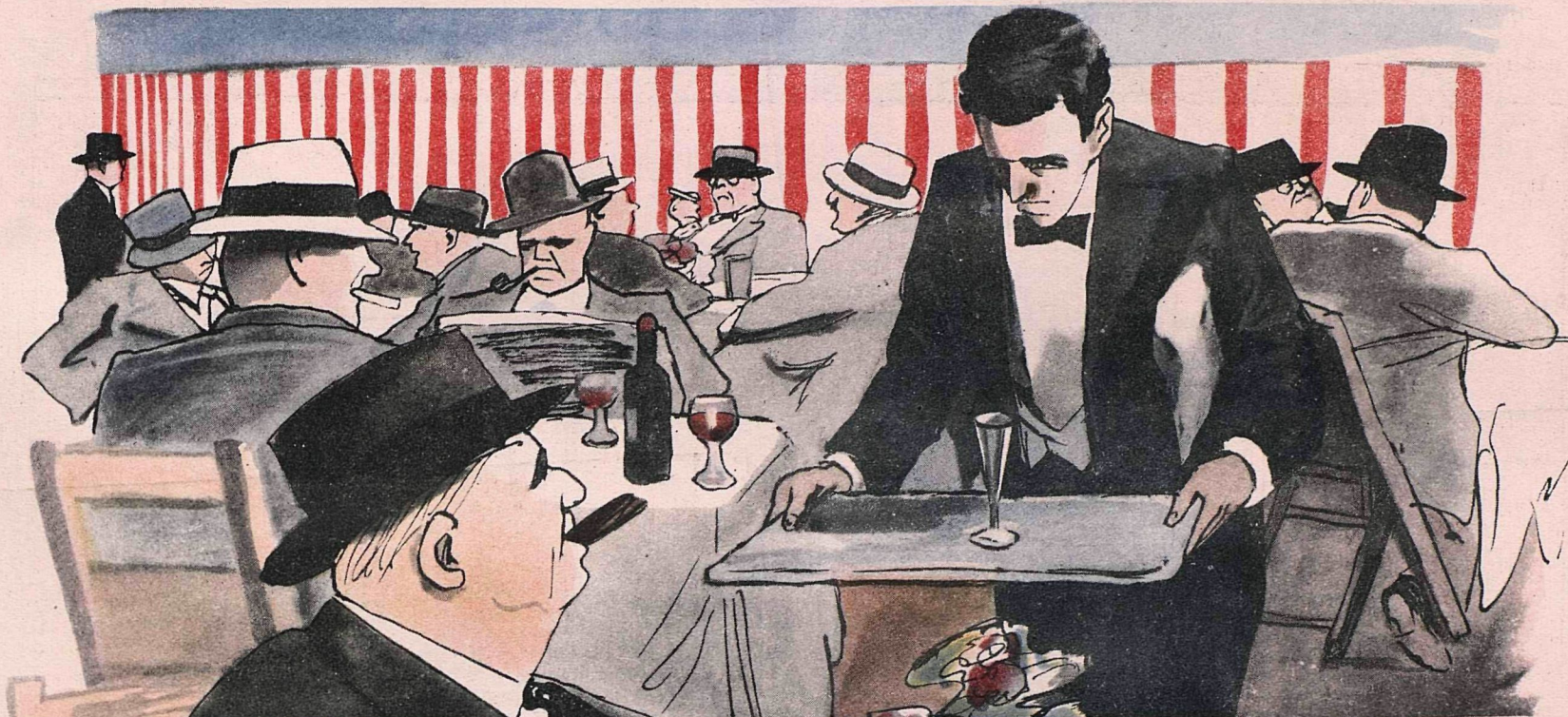
Выходя оттуда, мы спросили нашего спутника-англичанина:

— Почему эти аттракционы называются английскими?

— Почему? — переспросил он, улыбаясь. — Очень просто. Надо же, чтобы в Англии хоть что-нибудь было не американским. По крайней мере, по названию...

Литературная запись Якова ДЫМСКОГО

С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

- Почему вы так медленно подаёте? Чему только вас учили?
— Философии, мистер!

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ

Рис. Ю. ГАНФА

В КИНО НА БРОДВЕЕ

— Браво!!!

НА СОСЕДНЕЙ УЛИЦЕ

— Караул!!!

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ НА УОЛЛ-СТРИТЕ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Так и пишите, господа: русские вооружают своих солдат опаснейшим оружием!.. Оружием, которое запрещено во всех армиях западного союза!..
 — Каким же, мистер?
 — Большевизмом!